

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Охрана и защита прав личности в уголовном процессе РФ»

Обучающийся

Г.О. Дорофеев

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, О.Ю. Савельева

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Актуальность данной бакалаврской работы заключается в том, что уголовное судопроизводство представляет собой сложную систему правоотношений, участниками которых, прежде всего, являются подозреваемый, обвиняемый и потерпевший.

Охрана и защита прав личности является важным инструментом уголовно-процессуальной деятельности.

Обеспечение необходимого уровня защищенности прав и свобод человека и гражданина, а также ограждение от преступных посягательств, угрожающих жизни и здоровью личности, является целевым направлением уголовного судопроизводства.

Целью исследования является заключается в комплексном научном анализе правовых аспектов охраны и защиты прав обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и иных участников уголовного процесса в условиях состязательного процесса и выявление пробелов в прав.

Для достижения указанной цели поставлены и решены следующие задачи:

- определение сущности конституционных права личности как объектов охраны и защиты в уголовном процессе;
- определение оснований ограничения конституционных прав личности в уголовном процессе;
- анализ положений уголовно-процессуального законодательства на предмет охраны и защиты прав подозреваемого и обвиняемого;
- анализ положений уголовно-процессуального законодательства на предмет охраны и защиты прав потерпевшего.

Структура бакалаврской работы обусловлена целью и задачами исследования, и состоит из введения, двух глав, четырех параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Принципы охраны и защиты личности в уголовном процессе	7
1.1 Конституционные права личности как объекты охраны и защиты в уголовном процессе	7
1.2 Ограничение конституционных прав как способ охраны и защиты прав личности в уголовном процессе.....	22
Глава 2 Охрана и защита прав участников уголовного процесса	32
2.1 Охрана и защита прав подозреваемого и обвиняемого	32
2.2 Охрана и защита прав потерпевшего и иных участников уголовного процесса	32
Заключение	49
Список используемой литературы и используемых источников	51

Введение

Актуальность темы. Охрана и защита прав личности является важным инструментом уголовно-процессуальной деятельности.

Обеспечение необходимого уровня защищенности прав и свобод человека и гражданина, а также ограждение от преступных посягательств, угрожающих жизни и здоровью личности, является целевым направлением уголовного судопроизводства. При более детальном анализе особенностей уголовного судопроизводства, необходимо отметить, что данный государственный институт обеспечивает организацию обоснованного привлечения виновных лиц к ответственности и ограждает невиновных лиц от преследования и ограничения их правового статуса.

Реализация демократических основ уголовного судопроизводства обеспечивается посредством множества инструментов и механизмов. Совершенно особенными в данном случае выглядят принципы уголовного процесса, их совокупная система.

В частности, поскольку уголовно-процессуальные отношения связаны с существенным ограничением прав и свобод лиц, привлеченных к уголовной ответственности, то, безусловно, существенное значение имеют те положения законодательства, которые направлены на охрану и защиту прав данной категорий граждан от злоупотреблений со стороны представителей власти.

С другой, стороны, для поддержания баланса по соблюдению прав и свобод между лицами, привлеченными к уголовной ответственности, и лицами, которым причинен вред в результате преступных посягательств, законодатель также предусматривает ряд охранительных и защитных мер в отношении потерпевших, к примеру, посредством применения института государственной защиты.

В этой связи в настоящей бакалаврской работе исследуются понятия защиты и охраны как основных уголовно-процессуальных функций.

Россия является демократическим государством. Это напрямую закреплено в Конституции РФ. Распространение демократических основ осуществляется по отношению ко всем институтам, отраслям, общественным отношениям.

Степень разработанности темы. Отдельные вопросы, связанные с охраной и защитой личности в уголовном процессе, рассматриваются в ряде диссертационных исследованиях, монографиях, научных публикациях и учебной литературе. Однако комплексные работы, в которых анализ обозначенной проблематики проведен с учетом последних редакций нормативно-правовых актов и последних материалов судебной практики, отсутствуют.

Объектом исследования являются уголовно-процессуальные отношения, возникающие между участниками уголовного процесса при реализации механизма защиты прав подозреваемых, обвиняемых и потерпевших.

Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального права, регламентирующие охрану и защиту прав участников уголовного процесса.

Целью исследования является заключается в комплексном научном анализе правовых аспектов охраны и защиты прав обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего и иных участников уголовного процесса в условиях состязательного процесса и выявление пробелов в прав.

Для достижения указанной цели поставлены и решены следующие задачи:

- определение сущности конституционных права личности как объектов охраны и защиты в уголовном процессе;
- определение оснований ограничения конституционных прав личности в уголовном процессе как способа охраны и защиты прав участников уголовного процесса;

- анализ положений уголовно-процессуального законодательства на предмет охраны и защиты прав подозреваемого и обвиняемого;
- анализ положений уголовно-процессуального законодательства на предмет охраны и защиты прав потерпевшего.

Методологическая основа исследования. В работе использовался системный подход, применялись общенаучные и частно-научные методы исследования. В числе общенаучных методов были использованы такие как анализ, синтез, обобщение, формально-логический, а из частно-научных: формально-юридический, сравнительно-правовой и другие.

Нормативно-правовую основу исследования составили: Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно розыскной деятельности», Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

Теоретическую основу составляют труды таких современных ученых, как С.И. Абрамов, С.С. Алексеев, М.Л. Базюк, Б.Б. Булатов, В.Н. Бутылин, Е.М. Варпаховская, и других, а также относящиеся к объекту исследования работы в области теории права, уголовно-процессуального права.

Структура исследования. Работа включает в себя: введение, две главы, состоящие из четырех параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Принципы охраны и защиты личности в уголовном процессе

1.1 Конституционные права личности как объекты охраны и защиты в уголовном процессе

Нынешний этап развития российского государства следует признать одним из наиболее эффективных в плане обеспечения высшей ценности, а именно прав, свобод и законных интересов человека, гражданина и всего общества [4, с. 197-200].

Современная правовая политика и соответствующая правоприменительная деятельность всего государства, в том числе в лице уполномоченных им органов государственной власти, является ориентированной на соответствующий вектор развития, а именно признание, соблюдение и защиту прав и свобод личности. На это указывает ряд факторов. Прежде всего, целесообразно указать на специфику правовых основ, направленных на урегулирование всех вопросов жизнедеятельности граждан.

В ст. 2 Конституции РФ провозглашается, что личность, её права и свободы являются высшей ценностью в государстве [38].

Далее ч. 1 ст. 7 Конституции РФ прописано, что в нашем государстве признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ [38].

В частности, среди основных международно-правовых актов, где закреплены гарантии осуществления прав личности, является Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. [20]. Так, в ст. 7 данного нормативно-правового акта указано, что: «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона» [20].

В свою очередь относительно значимости Конституции РФ в литературе указывается, что «Конституция – это основа и государственной, и общественной жизни, т.е. всех отношений, которые в обществе регулируются правом... Конституция – это ключ ко всей системе права» [34, с. 511-512].

Соответственно перечень основных прав и свобод человека и гражданина содержится в Главе 2 Конституции РФ.

Как отмечает А.М. Доросинская, около 40% норм и положений Основного закона РФ посвящены именно такой дефиниции, как права и свободы человека и гражданина. Конституцией РФ провозглашаются широкие права и свободы во всех сферах: экономической, политической, социальной, культурной [29, с. 299].

При этом в ст. 17 Конституции РФ говорится о том, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения [38].

В частности, Верховный Суд РФ отметил, что неотчуждаемость основных прав и свобод человека и их принадлежность каждому от рождения предполагают необходимость их адекватных гарантий. К числу таких гарантий относятся прежде всего право каждого на судебную защиту, носящее универсальный характер и выступающее процессуальной гарантией в отношении всех конституционных прав и свобод, и право каждого на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 46, 48 Конституции РФ), которые в силу ст. 56 Конституции РФ не подлежат ограничению [52].

Законодатель не останавливается на достигнутом: в непрекращающемся режиме обеспечивается обновление нормативной базы, в том числе и самой Конституции РФ.

Так, 15 января 2020 г. Президентом страны В.В. Путиным были предложены поправки к Конституции РФ. В дальнейшем, в ходе общенародного голосования, поправки были одобрены гражданами России и в соответствующем порядке вступили в силу [32]. При этом важно отметить, что одним из основополагающих правовых лейтмотивов поправок стало укрепление института защиты прав и свобод личности. В частности, были

урегулированы отдельные вопросы пенсионного и социального обеспечения, права на самоопределение, свободы вероисповедания и т.д. То есть, при имеющихся и работающих механизмах, государство в лице законодателя, находится в постоянном поиске путей совершенствования гарантий обеспечения прав и свобод личности.

В.В. Путин неоднократно в своих выступлениях отмечал первостепенную необходимость гарантирования со стороны государства и каждого его института соблюдения прав и свобод человека, независимо от национальности, социального происхождения, религии, гражданства и иных обстоятельств. Все это должно, по мнению Президента РФ, отражаться не только в декларативной форме в основных законах страны, но и системно выражаться на практике [66].

В свою очередь, развивая и поддерживая данный постулат, Министр внутренних дел России В.А. Колокольцев высказался в рамках обсуждения конкретного уголовного дела в отношении журналиста И. Голунова, в отношении которого преследование было прекращено в связи с отсутствием события преступления. Министр отметил, что независимо от политических и иных взглядов человека, органы внутренних дел выполняют одинаковый объем функциональных обязанностей в рамках борьбы с преступностью. Напомним, что именно благодаря вмешательству в процесс расследования уголовного дела в отношении Голунова было установлено отсутствие в его действиях нарушений действующего уголовного законодательства, а было выявлено превышение должностных полномочий лиц, которые задерживали и изымали наркотическое вещество у журналиста [36].

Наконец, значимость обеспечения гарантий соблюдения прав и свобод личности подчеркивают и признают многие авторы, исследующие соответствующую тематику.

К примеру, А.А. Сафронов и А.М. Карякин, указывают на то, что «приоритетными направлениями деятельности государства являются

обеспечение законности и правопорядка, защита интересов граждан и общества в целом от преступных посягательств» [71, с. 68].

А.А. Дерюгин пишет о том, что в России «защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства и его основная функция. Для эффективной реализации своих функций государство должно обладать возможностью добиваться от всех участников общественных отношений правомерного поведения, в том числе и путем использования силовых методов и средств принуждения» [27, с. 83-84]. И.С. Назарова, выделяя и исследуя конституционно-правовой институт принципов государственно-управленческой деятельности, указывает, что «в рамках данного института преимущественное значение будет составлять принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, поскольку именно данное конституционное положение должно пронизывать деятельность органов исполнительной власти» [45, с. 119].

В ст. 18 Конституции РФ подчеркивается, что закреплённые в ней права и свободы личности, определяют смысл, содержание и применение законов. В том числе, с учётом специфики предмета регулирования, конституционные права и свободы личности конкретизируются в нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ).

Уже в ч. 1 ст. 1 УПК РФ заявляется, что порядок уголовного судопроизводства, устанавливаемый настоящим кодексом, основан на Конституции РФ, а само уголовное судопроизводство имеет назначением как защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления, так и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ) [78]. Другими словами, назначение справедливого наказания виновным и отказ от уголовного преследования невиновных как две равнозначные задачи определяют смысл и предназначение всего уголовного судопроизводства.

При этом охрана прав и свобод человека и гражданина выдвигается как один из принципов уголовного судопроизводства, а если лицу в результате

нарушения его прав и свобод судом или должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, был причинен вред, он подлежит возмещению. Последнее положение почти дословно повторяет ст. 53 Конституции РФ [38].

Аналогичного характера «перекличку» можно обнаружить при изучении ст. 10 «Неприкосновенность личности» УПК РФ и ст. 22 Конституции РФ; ст. 12 «Неприкосновенность жилища» УПК РФ и ст. 25 Конституции РФ; ст. 13 «Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» УПК РФ и ст. 23 Конституции РФ [78].

В ряде принципиального характера вопросов формулировки УПК РФ «идут дальше» формулировок соответствующих статей Конституции, поскольку закрепленные в них положения имеют определяющее значение для уголовного судопроизводства, и потому требуется большая их детализация. Так, ст. 14 УПК РФ, посвященная презумпции невиновности, не только провозглашает один из элементов этого института, гласящий, что подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, но значительно углубляет этот момент тем, что опровержение доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Это, в частности, предоставляет защитнику обвиняемого определенную «свободу» в приведении доводов и суждений в опровержение предъявленного его подзащитному обвинения, порой не заботясь об истинности своих доводов, поскольку их опровержение лежит на стороне обвинения [78].

Аналогичную картину можно отметить в ст. 15 УПК РФ «Состязательность сторон» и ч. III ст. 123 Конституции РФ; в ст. 16 УПК РФ «Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту» и ст. 48 Конституции РФ.

В части 1 ст. 45 Конституции РФ указано: «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется».

По мнению Г.Б. Романовского, под защитой понимается «совокупность мер, направленных на недопущение нарушения прав и свобод человека и гражданина», а также «принудительный способ осуществления права, применяемый в установленном порядке компетентными органами либо самим управомоченным лицом» [69, с. 26-27].

В свою очередь В.М. Ведяхин и Т.Б. Шубина пишут о том, что «термин «защита права» применяется в различных смыслах и в законодательстве, и в научной литературе. В законодательстве понятие «защита права» чаще всего носит достаточно абстрактный характер и означает возможность государства, его органов защищать те или иные права, не конкретизируя, идет ли речь о защите нарушенных прав или о гарантиях, формах реализации тех или иных еще не нарушенных прав» [17, с. 67].

В.И. Власов особое внимание уделяет роли суда в обеспечении такой защиты. Он пишет о том, что «В судебном заседании вправе участвовать прокурор, следователь и дознаватель, т. е. тот субъект расследования, который ходатайствовал о производстве следственного или процессуального действия. При такой ситуации принцип состязательности сторон обеспечивает и создает благоприятные условия для выяснения всех, имеющих существенное значение для дела обстоятельств и вынесения судом обоснованного судебного решения о законности или незаконности проведенной следственной деятельности. Этим обеспечивается судебная защита конституционных прав граждан на досудебном производстве по уголовным делам» [19, с. 25].

При этом в уголовно процессуальной науке судебную защиту освещают как «совокупность организационных и процессуальных правил, предоставленных подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему для защиты своих прав и законных интересов» [75, с. 46].

Д.С. Злыденко в качестве наиболее качественного и работающего механизма обеспечения защиты прав участников уголовного судопроизводства называет четко отрегулированный и постоянно выполняемый уголовно-процессуальный режим всех соответствующих мер и

институтов, имеющих и реализуемых в рамках уголовного судопроизводства. Ученый пишет о том, что «целью такого процессуально установленного режима является создание условий для производства расследования и рассмотрения уголовного дела в суде, а также защиты прав и свобод личности, подвергшейся уголовному преследованию» [33, с. 24].

Сегодня особый исследовательский интерес вызывает вопрос определения понятийного аппарата в сфере защиты, как уголовно-процессуальной функции. Это связано с несколькими моментами. Во-первых, это ценность понятия, как правовой категории. Во-вторых, это современное состояние разработанности исследуемого понятия. Практически все авторы, рассматривающие данный вопрос приходят к одинаковому выводу – о недостаточной теоретико-правовой разработанности понятийного аппарата в сфере защиты, как уголовно-процессуальной функции [24, с. 105]. Отсутствие четкой теоретико-правовой и нормативной позиции по вопросу определения искомого понятия ставит под сомнение возможность эффективной реализации защиты участников уголовного судопроизводства, как гарантии обеспечения прав и свобод личности.

Необходимо отметить, в УПК РФ употребляются термины как «защита», так и «охрана» прав личности.

Однако напрямую определение рассматриваемых понятий законодатель не дает.

Но к некоторым предпосылкам определения данного понятия можно прийти через анализ ряда косвенно связанных с данным вопросом уголовно-процессуальных норм.

Прежде всего, следует отметить положения ст. 5 УПК РФ, в которой раскрыты основные определения, используемые в уголовно-процессуальном законодательстве. В соответствии с данной статьей:

- стороны – участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения;

- сторона защиты – обвиняемый, а также его законный представитель, защитник, гражданский ответчик, его законный представитель и представитель.

В свою очередь, в ч. 1 ст. 6 УПК РФ говорится, что уголовное судопроизводство имеет свои назначениями:

- защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
- защиту личности от незаконного и необоснованного осуждения, ограничения ее прав и свобод [78].

Ст. 11 УПК РФ провозглашает принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Так, ч. 3 ст. 11 УПК РФ гласит: «при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 данного Кодекса».

Статьи, указанные в данной норме, регламентируют права участников, вовлеченных в уголовное судопроизводство, конкретные меры безопасности, которые могут к ним применяться, основания и порядок их применения.

В ч. 6 ст. 246 УПК РФ говорится о предъявлении или поддержке гражданского иска прокурором, если этого требует охрана прав граждан, общественных и государственных интересов [78].

Помимо уголовно-процессуального регулирования, меры безопасности находят свое отражение в Федеральном законе от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [81]. В частности, ч. 5 ст. 7 данного Закона закрепляет одним из оснований проведения оперативно-розыскных

мероприятий наличие постановления о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц, а в п. 6 ст. 14 сказано о необходимости для органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, принимать меры к обеспечению личной безопасности, сохранности имущества участников уголовного процесса, а также их родственников и близких лиц от противоправных посягательств [81].

Исходя из представленных норм, возможно сделать несколько выводов.

Во-первых, с точки зрения законодателя, защита в уголовном процессе – это одна из уголовно-процессуальных функций. Ее реализация обязательна для каждого случая уголовного судопроизводства, вне зависимости от конкретных обстоятельств преступления, по факту которого расследуется (рассматривается) уголовное дело.

Сущность судебной власти как уникального социально-правового явления заключается в возможности и способности легального [87, с. 165], иначе законного рассмотрения уголовных дел. В УПК РФ имеются нормы об обстоятельствах, ограничивающих участие защитника в производстве по уголовному делу (ст. 72) [78], однако, во-первых, данные обстоятельства строго определены и являются исчерпывающими, а, во-вторых, не исключают возможность поиска нового защитника.

Во-вторых, функция защиты субъекта. Это означает, что ее реализацией занимаются конкретные субъекты – участники уголовного судопроизводства, наделенные конкретными правами и обязанностями, обладающие уголовно-процессуальным статусом.

Далее приведем некоторые положения ст. 49 УПК РФ, а именно ч. 1, в соответствии с которой защитником является лицо, осуществляющее в установленном порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу [78]. Именно защитники являются основными субъектами, реализующими функцию защиты в уголовном судопроизводстве. Исходя из положений приведенной нормы, логично предположить двойственную

природу рассматриваемой функции. С одной стороны – это, собственно, сама защита прав и интересов подозреваемых и обвиняемых. Одновременно, это оказание им юридической помощи при производстве по уголовному делу.

В данном случае первая составляющая является основной задачей реализации функции. Вторая, чаще всего, является средством достижения данной задачи. Одновременно, основываясь на положениях ст. 48 Конституции РФ, возможно предположить, что и оказание юридической помощи является вполне самостоятельной задачей функции защиты, в рамках решения которой, безусловно, обеспечивается защита прав и законных интересов лиц, которым такая помощь оказывается.

Более подробно вопрос о защите интересов подозреваемого и обвиняемого со стороны адвоката будет рассмотрен во второй главе настоящего исследования.

Таким образом, исходя из исключительно анализа положения УПК РФ, можно предположить, что защитой в уголовном судопроизводстве следует понимать уголовно-процессуальную функцию, реализуемую на субъектной основе (соответствующими лицами, обладающими уголовно-процессуальным статусом), в порядке, установленном законодательством в целях защиты прав и интересов определенных участников уголовного процесса и обеспечения оказания им юридической помощи при производстве по уголовному делу.

Анализируя вопрос о соотношении понятий «защита» и «охрана» необходимо отметить следующее:

В доктрине уголовного процесса, защита, как уголовно-процессуальная функция, получила значительный исследовательский интерес в научных кругах. Тем не менее, до сих пор в уголовно-процессуальной науке нет ясности относительно определения понятия защиты, как уголовно-процессуальной функции. Во многом это связано с позицией законодателя, не закрепившего данное понятие. Однако большей причиной видится многомерность самой институции защиты и вариативность ее соотношения с уголовно-процессуальным правом.

В словаре С.И. Ожегова термин «защищать» означает «охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности, предохранять, обезопасить от чего-нибудь» [50, с. 196], а «охранять» – «сберегать, относиться бережно, стеречь» [50, с. 418].

Исходя из этимологии слова «защита» необходимо сделать вывод, что право на защиту возникает в том случае, когда права личности нарушены, что, в свою очередь, влечет за собой «государственную принудительную деятельность, направленную на восстановление нарушенного права и обеспечение исполнения обязанностей. В связи с этим защита права в литературе рассматривается как государственная принудительная деятельность, направленная на осуществление «восстановительных» задач – восстановление нарушенного права, обеспечение исполнения юридической обязанности» [4, с. 280].

Иногда под защитой понимают «принудительный (в отношении обязанного лица) способ осуществления права, применяемый в установленном законом порядке в целях восстановления нарушенного права» [15, с. 83].

Однако, как нам кажется, такая трактовка защиты не совсем верна. В таком значении правильнее говорить о мере защиты как об элементе юридической ответственности.

Существует ряд мнений авторов [74, с. 215] о том, что в уголовном судопроизводстве средства и методы, направленные на обеспечение требуемого уровня защиты обвиняемого или подозреваемого – есть сам правовой статус данных участников уголовного процесса, что позволяет в полном и объективном варианте обеспечивать противостояние стороне обвинения. В таком ракурсе защита подозреваемого и обвиняемого – это основанные на нормах уголовно-процессуального законодательства возможности обвиняемого и подозреваемого предоставлять информацию о своей невиновности, а также обладать данными о ходе и особенностях расследования уголовного дела.

А.М. Доросинская выделяет следующие функции защиты в уголовном процессе:

Во-первых, защита обеспечивает реализацию фундаментальных основ по защите личности в целом от незаконных посягательств, обвинений и соответственно необоснованных ограничений прав и свобод человека. Все это находит свое подтверждение в основополагающих принципах уголовного судопроизводства и преследуется на протяжении всех этапов уголовного процесса.

Во-вторых, сами стороны обвинения и защиты преследуют однородные по направленности функции, а именно обеспечение участников уголовного судопроизводства возможности реализовывать весь заявленный потенциал прав и свобод, что и лежит в содержательной природе уголовно-процессуального законодательства.

В-третьих, защита в уголовном судопроизводстве позволяет обеспечивать соблюдение системы сдержек и противовесов в масштабе уголовного преследования. Именно данный институт позволяет отделять правовое государство от полицейского, а также брать на себя обязательства всем участникам процесса, включая следователя (дознавателя) прокурора или судью.

В-четвертых, реализация института защиты обвиняемого и подозреваемого в уголовном судопроизводстве может выражаться в формах, которые позволяют сертифицировать отношения между теми или иными участниками процесса и синхронизировать их действия [29, с. 303-304].

Что же касается понятия охраны, то она направлена на предупреждение в случае нарушений правового статуса человека. Охрана обладает в своем арсенале ограничительным набором возможностей, основанных на обеспечении «обороны», предотвращении причин и условий возможного нарушения прав и свобод, а защита обладает более широким набором средств и методов, которые не только помогают в прямом смысле восстановить права, но и обезопасить в последующем предполагаемые нарушения.

М.Л. Базюк делает вывод о том, что «в уголовном судопроизводстве под охраной личности следует понимать совокупность охранительных и регулятивных норм права, регламентирующих предотвращение потенциальных и устранение имеющихся нарушений прав, свобод и интересов субъектов правоотношений, а также деятельность государственных органов и их должностных лиц, направленная на реализацию указанных норм, осуществление комплекса мер, направленных на создание условий по реализации субъективных прав участников уголовного судопроизводства и восстановление этих прав в случае нарушения, а под защитой прав личности – совокупность преимущественно охранительных норм права, направленных на восстановление прав, реализацию субъективных прав участников в случае их нарушения или ограничения, осуществления комплекса мер, направленных на устранение обстоятельств, препятствующих осуществлению прав, а также деятельность государственных органов и их должностных лиц, по реализации указанных норм права» [12, с. 6-7] .

Можно выделить несколько подходов к раскрытию содержания и соотношения понятий «защита права» и «охрана права»:

- защита рассматривается как «часть охраны субъективных прав, поскольку защита субъективного права осуществляется государственными органами в рамках особых правоохранительных правоотношений либо установления общего правового режима, постольку защита – это те меры, которые принимаются в случаях, когда права нарушены или оспорены» [25, с. 291]. Такая трактовка, как видно по цитате, в большей степени распространена среди цивилистов. Но, тем не менее, находит отражение и в отдельных исследованиях по уголовному процессу [30, с. 13];
- «... охрана интересов – понятие более объемное, оно включает в свое содержание и защиту. Охраняются права и интересы постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются» [2, с. 58];

- «понятие «защита законных интересов личности» охватывает более широкий диапазон охраняемых возможностей индивида, чем понятие «охрана субъективных прав личности»» [72, с. 21];
- «охраняются права и интересы постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются. Защита есть момент охраны, одна из ее форм. Данные понятия не совпадают» [43, с. 131]. «Охрана – это установление общего правового режима, а защита – те меры, которые принимаются в случаях, когда гражданские права нарушены или оспорены» [21, с. 217].
- «защита выражена в минимизации (устранении) конкретных неблагоприятных факторов, угрожающих объекту, а при охране – в обеспечении сохранности объекта при отсутствии реальной угрозы» [86, с. 4-5];
- «понятия «охрана», «защита», «юридическая помощь», «оборона», «устранение опасности» являются синонимами» [49, с. 171].

З.В. Макарова включает охрану в защиту прав личности, поскольку, по мнению автора, «охранять права – значит не допускать их нарушения, а защищать – не только не допустить нарушения прав, но и оградить их от посягательств на эти права» [40, с. 231].

А.Д. Бойков и Н.И. Капинус полагают, что «защита является способом охраны права, наряду с такими институтами, как конституционный контроль, правосудие, обеспечение деятельности судов, прокурорский надзор, выявление и расследование преступлений, исполнение судебных решений» [13, с. 9].

В свою очередь А.М. Ларин пишет о том, что «защита состоит в охране личности от незаконных нарушений и ограничений, а также в возмещении причиненного вреда, если предупредить или отразить правонарушения и ограничения не удалось» [39, с. 160].

По мнению Е.М. Варпаховской, «понятие «защита» в уголовно-процессуальной законодательстве целесообразно использовать только для

обозначения характеристики функции уголовного процесса и соответствующей стороны, а в содержании ст. 6 УПК РФ возможно использование термина «ограждение»» [16, с. 131].

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод и о многогранности понятий «защита» и «охрана» в уголовном судопроизводстве.

Необходимо разделять данные понятия. Несмотря на выполнение задач, связанных с обеспечением сохранности прав, данные понятия имеют ряд отличий, среди основных следует выделить тот факт, что охрана направлена на предупреждение в случае нарушений правового статуса человека, а защита выполняет восстановительную функцию нарушенных прав.

Так, термин «защита» используется как для обозначения защиты субъективных прав в сфере уголовного судопроизводства, так и для определения вида уголовно-процессуальной деятельности, равно и для выражения содержания соответствующей уголовно процессуальной функции.

Помимо этого, как следует из анализа содержания УПК РФ, и понятие «обеспечение» неразрывно связано с понятием «защита», так как последняя не может быть реализована в отсутствие необходимых гарантий, которые включаются в понятие «охрана».

На сегодняшний день ощущается острая нехватка определенности понятия защиты, как функции уголовного процесса. Это приводит к многочисленным разногласиям среди ученых по данному вопросу. Однако, более негативным последствием данной ситуации видится частое непонимание по вопросу, проявляемое со стороны правоприменителя.

В условиях, когда на всех уровнях законодательства (в том числе, международного) защита закреплена в качестве одного из основных прав лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, любое искажение или неправильное представление по данному поводу – крайне опасная тенденция, безусловно требующая пристального внимания и исправления.

В качестве пути решения отмеченных проблемных вопросов нами видится внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство, а

именно в УПК РФ, а также ведомственные нормативно-правовые акты в сфере конкретного регулирования отдельных аспектов.

Так, в случае внесения изменения, необходимо внести соответствующее определение в ст. 5 УПК РФ, где будет отмечена следующая информация:

«совокупность действий самого обвиняемого, подозреваемого, его защитника, направленных на выяснения объективных предпосылок и оснований считать доводы обвинения обоснованными об их вине. Защита может быть отражена в мероприятиях по ознакомлению подозреваемого и обвиняемого с доводами стороны обвинения, материалами уголовного дела, а также оказания полноценной квалифицированной юридической помощью и др.».

1.2 Ограничение конституционных прав как способ охраны и защиты прав личности в уголовном процессе

В предыдущем параграфе был проанализирован вопрос о понятии охраны и защиты прав личности. Кроме того, были рассмотрены основные конституционные права и свободы личности, которые подвергаются охране и защите в рамках уголовного процесса.

УПК РФ предусматривает случаи, когда для охраны и защиты прав одних участников уголовного процесса, могут быть ограничены конституционные права других участников уголовного процесса.

Основанием ограничения конституционных прав личности в уголовном процессе является применение мер процессуального принуждения.

Как отмечают в этой связи И.Л. Трунов и Л.К. Трунова, «принуждение стесняет или ограничивает личную свободу, неприкосновенность, свободу передвижения, влечет временное отстранение лица от занимаемой должности, наложение денежного взыскания, а также ущемление иных субъективных прав человека и гражданина на период производства по уголовному делу» [77, с. 84-85].

Так, в качестве одной из мер процессуального принуждения в ст. 115 УПК РФ закреплено наложение ареста на имущество.

С.И. Вершинина данную меру относит к одной из разновидностей мер принуждения, обеспечивающих возмещение ущерба [18, с. 11].

Е.А. Докучаева, анализируя статистику по применению ареста на имущество, отмечает, что в среднем более ста ходатайств о применении данной меры ежедневно удовлетворяются. Это свидетельствует о значительной востребованности этой меры в практике уголовного судопроизводства [28, с. 294].

Как указывает Верховный Суд РФ, «в соответствии с ч. 1 ст. 115 УПК РФ следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ» [47].

«Для наложения ареста на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, правовые основания установлены в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, исходя из которой такой арест допускается в целях обеспечения предполагаемой конфискации имущества или сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по данному уголовному делу, и при условии, что относительно этого имущества имеются достаточные, подтвержденные доказательства основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования преступной деятельности» [47].

Таким образом, рассматриваемая мера принуждения состоит в ограничении права собственности на определенные объекты имущества или их изъятие с целью сохранения путем передачи на хранение ответственному лицу. При этом круг субъектов, чьи имущественные права ограничиваются, достаточно широкий.

В соответствии с ч. 2 ст. 115 УПК РФ наложение ареста на имущество состоит в запрете, адресованном собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение [78].

Учитывая вышеизложенное, применение данной меры обязательно должно быть санкционировано судом. Как справедливо пишет О.И. Андреева, «ограничение прав личности должно находиться под эффективным контролем судов. Эффективность такого контроля обеспечивается за счет возможности применения ограничения по судебному решению, решению суда, возможности обжалования его в вышестоящий суд, возможности периодического контроля суда за необходимостью продолжения правоограничений» [3, с. 47].

Правоприменителем активно и эффективно реализовываются полномочия по наложению ареста на имущество подозреваемых, обвиняемых и иных лиц.

Так, в ходе предварительного следствия по уголовному делу в отношении К. в ходе реализации следователем своих полномочий в сфере уголовного судопроизводства наложен арест на земельные участки обвиняемого, общей стоимостью 3000000 руб.

Приговором суда от 10.08.2022 К. осужден к отбыванию наказания в виде лишения свободы сроком на 4 года 6 месяцев. Исковые требования прокурора удовлетворены. В целях обеспечения гражданского иска судом сохранен арест, наложенный на имущество К.

В другом случае в ходе расследования в следственном отделе уголовного дела в отношении Ч., подозреваемой в хищении бюджетных

денежных средств в размере 26038000 руб., по результатам рассмотрения судом 3-х ходатайств следователя наложен арест на принадлежащее Ч. имущество на сумму 26100000 руб. [48].

Прежде чем представить ходатайство о наложении ареста на имущество в суд, его рассматривает руководитель следственного органа или прокурор. Только после их одобрения оно направляется судье. В соответствии с ч. 1 ст. 115 УПК РФ суд должен указать конкретные фактические обстоятельства, на основании которых было принято решение об аресте.

Как справедливо пишет Д.В. Пономарёв, «при принятии решения о наложении ареста на имущество, судебные органы сталкиваются с проблемной ситуацией, которая связана с отсутствием четких предписаний со стороны закона. Не определено, следует ли в постановлении указывать конкретное имущество, которое подлежит аресту, в постановлении о применении данной меры процессуального принуждения или в постановлении суда. Однако, как следует из судебной практики, суды указывают в постановлении имущество, подлежащее к аресту без конкретизации идентифицирующих признаков» [55, с. 227].

Как отмечается в УПК РФ, суд, при принятии решения о наложении ареста на имущество, должен указать на конкретные фактические обстоятельства, на основании которых было принято это решение. Также следует установить ограничения, связанные с владением, пользованием и распоряжением арестованным имуществом.

Следует указать срок действия ареста на имущество, учитывая установленный по уголовному делу срок предварительного расследования и время, требуемое для передачи дела в суд.

Также Д.В. Пономарёв указывает на то, что «существующая неопределенность в ч. 3 ст. 115 УПК РФ в определении срока ареста имущества, решается следующим образом. В протоколе наложения ареста на имущество следователь указывает начало срока исполнения, который в зависимости от ситуации может исчисляться либо с момента фактического

изъятия арестованного имущества, либо с момента составления соответствующего протокола» [55, с. 227].

Нельзя не согласиться с доводами указанного автора, что «наложение ареста на имущество является одной из самых значимых мер процессуального принуждения, которая может применяться судом в рамках уголовного процесса.

При этом, поскольку законодатель не установил механизм обжалования судебных постановлений, выносимых в результате рассмотрения ходатайств о наложении ареста на имущество. В этом случае, вынесенное постановление может быть обжаловано только в определенных случаях, предусмотренных законом, например, если оно содержит нарушения процессуальных прав сторон или не соответствует требованиям закона» [80, с. 150].

Если говорить непосредственно о практическом применении ареста, то происходит столкновение интересов в уголовном судопроизводстве и в сфере банкротства, в частности, ареста имущества должников-банкротов по уголовным делам. Необходимо в должной мере обеспечить защиту как прав кредиторов, предъявивших требования в рамках процедуры банкротства, так и потерпевших от преступления. Для решения вопроса о правильном способе снятия арестов, наложенных на имущество в рамках уголовного судопроизводства, необходимо рассмотреть соотношение двух законодательных актов: ст. 115 УПК РФ [78] и ст. 126 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [82].

Уголовно-процессуальное право устанавливает возможность отмены ареста на имущество при выполнении определенных условий.

Согласно ч. 9 ст. 115 УПК РФ, арест может быть отменен, если лицо или орган, ведущий уголовное дело, вынесут постановление или определение, указывающее на утрату необходимости в данной мере принудительного воздействия, истечение установленного судом срока или отказ суда в продлении срока.

Как отмечает А.А. Сабирзянова: «...законодательство о несостоятельности (банкротстве) в противовес уголовно-процессуальным нормам не обуславливает снятие ареста необходимостью принятия специальных решений или наступления иных обстоятельств, связав в п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве момент снятия ареста с датой принятия решения о признании должника банкротом и открытия процедуры конкурсного производства.» [70, с. 59].

Из данного анализа можно сделать следующий вывод: в законодательстве существует пробел в процедуре снятия ареста на имущество [14, с. 10].

В науке сложилось две точки зрения. Согласно первой позиции, нормы УПК РФ имеют приоритет перед нормами Закона о банкротстве. В соответствии с этой позицией, суды общей юрисдикции в рамках банкротства могут отказывать в удовлетворении ходатайств арбитражных управляющих о снятии ареста с имущества до разрешения заявленных гражданских исков. Как например указывается в Решении Кировского районного суда г. Иркутска № 2А-2936/2018~М-2766/2018 от 13.09.2018 г. [67].

Однако, сторонники второй позиции считают, что законодательство о банкротстве является специальным и имеет приоритет в случае коллизии между нормами УПК РФ и Закона о банкротстве.

Как, например, позиция С.И. Абрамова, который утверждает, что уголовно-процессуальный закон: «будучи по своему статусу ординарным федеральным законом, не имеет преимуществ перед другими федеральными законами с точки зрения определенной непосредственно Конституцией РФ иерархии нормативных актов. Вместе с тем в случае коллизии между ними приоритетными должны быть признаны нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений» [1, с. 60].

Подтверждение этой позиции отражено в судебном решении: Апелляционное постановление Красноярского краевого суда № 22К-6455/2018 от 20.11.2018 г. [8].

В своем Постановлении от 21.10.2014 г. № 25-П Конституционный Суд РФ уточнил, что арест может быть наложен только на ограниченный период времени и исключительно для достижения публичных целей, таких как конфискация и сохранение предметов, которые являются вещественными доказательствами в уголовном деле [58]. В данном решении Конституционный Суд РФ дополняет свою позицию по данному вопросу, которую ранее изложил в Постановлении от 31.01.2011 г. № 1-П, которым также была закреплена возможность снятия ареста на имущество в связи с прохождением лицом процедуры банкротства [57].

Но противоречащие этому решения в судах продолжают выноситься, как например в Апелляционном постановлении Верховного суда Республики Адыгея № 22К-178/2020 от 12.03.2020 г. [7]

Учитывая рассмотренные в предыдущем параграфе понятия «охраны» и «защиты», наложение ареста на имущество необходимо относить к мерам защиты, поскольку, как отмечено выше, она представляет собой государственную принудительную деятельность, направленную на восстановление имущественных прав лиц, которым причинен материальный ущерб в результате совершения преступления.

В свою очередь отдельные меры пресечения, также относимые к уголовно-процессуальным мерам принуждения, по нашему мнению, представляют собой меры охраны прав личности. Такой вывод следует из положений пункта 3 части 1 статьи 97 УПК РФ, где указано, что к числу оснований избрания меры пресечения относится то, что обвиняемый или подозреваемый может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства.

Согласно абз. 4 п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах

пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» «о том, что обвиняемый, подозреваемый может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства.....могут свидетельствовать наличие угроз со стороны обвиняемого, подозреваемого, его родственников, иных лиц...» [62].

Из абз. 2 п. 7 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» следует, что «угрозы в адрес свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства выражаются в высказываниях или других действиях, свидетельствующих о намерении, в частности, применить любое физическое насилие, уничтожить или повредить чужое имущество, когда у свидетеля и иных участников уголовного судопроизводства имелись основания опасаться осуществления такого намерения» [63].

Из всех мер пресечения в наибольшей степени с ограничением конституционных прав подозреваемых и обвиняемых связаны домашний арест и заключение под стражу. Недаром С.И. Вершинина относит их к мерам физического воздействия [18, с. 12].

Исходя из определения домашнего ареста, даваемого в ч. 1 ст. 107 УПК РФ, сущность данной меры пресечения выражается в ограничении физической (личной) свободы подозреваемого или обвиняемого, поскольку они изолируются от общества в жилом помещении, в котором проживают в качестве собственников или нанимателей.

В свою очередь заключение под стражу как самая строгая мера пресечения, представляет собой лишение свободы подозреваемого или обвиняемого, путём их содержания в местах предварительного заключения до начала фактического исполнения приговора к лишению свободы, если мера пресечения не была отменена или изменена [73, с. 11]. Такой точки придерживаются, к примеру, В.А. Михайлов [44, с. 116] и А.Б. Судницын, Д.А. Воронов [73, с. 11].

В связи с тем, что указанные меры направлены на ограничение и лишение личной (физической) свободы, то они могут быть применены только на основании судебного решения.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что при обосновании решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу зачастую указывается на возможность угроз в адрес потерпевшего или свидетелей.

Так, в Апелляционном постановлении Липецкого областного суда от 17.06.2015 по делу № 22к-756/2015 было указано, что «вопреки доводам жалобы, как правильно указал суд первой инстанции у потерпевшего...имелись основания опасаться за свою жизнь, здоровье и жизнь своих близких, о чем он прямо указывал в своих показаниях, что само по себе свидетельствует о воспрепятствовании производству по уголовному делу. Кроме того, данные обстоятельства подтверждаются и оперативными данными на, изложенные в рапорте оперуполномоченного отдела № 6 УУР УМВД России по Липецкой области Г.» [9].

В свою очередь при отмене меры пресечения в виде заключения под стражу, суд, наоборот, указывает, что отсутствуют основания считать, что обвиняемый может угрожать свидетелям, иным участникам уголовного судопроизводства.

Выводы по Главе 1:

В доктрине уголовного процесса, защита, как уголовно-процессуальная функция, получила значительный исследовательский интерес в научных кругах. Тем не менее, до сих пор в уголовно-процессуальной науке нет ясности относительно определения понятия защиты, как уголовно-процессуальной функции. Во многом это связано с позицией законодателя, не закрепившего данное понятие. Но большей причиной видится многомерность самой институции защиты и вариативность ее соотношения с уголовно-процессуальным правом.

Необходимо разделять понятия «охрана» и «защита». Несмотря на выполнение задач, связанных с обеспечением сохранности прав, данные понятия имеют ряд отличий, среди основных следует выделить тот факт, что охрана направлена на предупреждение в случае нарушений правового статуса человека, а защита выполняет восстановительную функцию нарушенных прав.

На сегодняшний день ощущается острая нехватка определенности понятия защиты, как функции уголовного процесса. Это приводит к многочисленным разногласиям среди ученых по данному вопросу. Однако, более негативным последствием данной ситуации видится частое непонимание по вопросу, проявляемое со стороны правоприменителя.

В условиях, когда на всех уровнях законодательства (в том числе, международного) защита закреплена в качестве одного из основных прав лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, любое искажение или неправильное представление по данному поводу – крайне опасная тенденция, безусловно требующая пристального внимания и исправления.

В качестве пути решения отмеченных проблемных вопросов нами видится внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство, а именно в УПК РФ, а также ведомственные нормативно-правовые акты в сфере конкретного регулирования отдельных аспектов.

Основанием ограничения конституционных прав личности в уголовном процессе является применение мер процессуального принуждения.

В качестве одной из мер процессуального принуждения в ст. 115 УПК РФ закреплено наложение ареста на имущество.

Наложение ареста на имущество необходимо относить к мерам защиты, поскольку она представляет собой государственную принудительную деятельность, направленную на восстановление имущественных прав лиц, которым причинен материальный ущерб в результате совершения преступления.

Глава 2 Охрана и защита прав участников уголовного процесса

2.1 Охрана и защита прав подозреваемого и обвиняемого

Вопрос об охране и защите прав подозреваемых и обвиняемых занимает важное место в уголовном процессе.

Прежде всего речь идет о праве подозреваемого и обвиняемого на защиту, которое закреплено в п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ [78].

Данное право обеспечивается путём предоставления подозреваемому или обвиняемому адвоката, так и именуемого «защитник». Его основная обязанность заключается в оказании указанным лицам юридической помощи при производстве по уголовному делу.

В ч. 3 ст. 49 УПК РФ прописаны сроки, с которых адвокат принимает участие в уголовном деле:

- с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого;
- с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица;
- с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления;
- с момента вручения уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223. 1 УПК РФ;
- с момента объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы;
- с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления;
- с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого

проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ [78].

В ст. 53 УПК РФ прописаны полномочия защитника, которые он осуществляет в процессе расследования уголовного дела на всех стадиях процесса с момента вступления в дело [78].

В частности, защитник вправе присутствовать при предъявлении обвинения, участвовать в допросе подозреваемого, обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого.

Таким образом участие защитника в уголовном процессе направлено на недопущение возможных нарушений прав подозреваемого и обвиняемого в процессе расследования уголовного дела. В связи с этим Т.П. Макашова указывает на то, что «функции адвоката-защитника не тождественны функциям адвоката-представителя, то есть лица, действующего в интересах потерпевшей стороны». Как пишет автор, в первом случае речь о защите интересов подозреваемого и обвиняемого, а не занятии позиции обвинительной стороны в отношении своего доверителя [42, с. 16].

Как отмечает указанный автор, «в свою очередь, при осуществлении деятельности адвоката-представителя потерпевшего на первый план выходят восстановление его нарушенных прав, свобод, законных интересов, выражающееся в виде такой деятельности, как:

- поиск и наказание виновного лица;
- установление и вынесение правильного размера нанесенного материального ущерба (компенсация причиненного ущерба);
- предотвращение и отмена необоснованных и незаконных решений и действий следственных и судебных органов государственной власти;
- помощь психологического характера» [42, с. 16-17].

Для разграничения функций адвоката-защитника и адвоката-представителя, по мнению З.В. Макарова необходимо защиту потерпевшего рассматривать как «уголовно-процессуальную функцию охраны прав и

законных интересов потерпевшего» [41, с. 25]. С его позицией солидарны и другие автора, например Т.П. Макашова [42, с. 17]. Однако, по нашему мнению, такая точка зрения представляется не совсем правильной, учитывая проанализированные в первой главе определения защиты и охраны. Исходя из этого восстановление нарушенных прав потерпевшего – это составляющая защитной функции.

В свою очередь, как мы полагаем, в функциях адвоката-защитника заложен и элемент охраны прав подозреваемого и обвиняемого, если рассматривать охрану как функцию, направленную на предотвращение возможного нарушения прав и свобод личности. Принимая участие в проведении следственных действий с участием подзащитного, адвокат должен контролировать соблюдение норм уголовно-процессуального законодательства, то есть охранять подозреваемого и обвиняемого от возможных нарушений их прав и свобод со стороны следователя, дознавателя и суда. Подробно вопрос о защите интересов потерпевших со стороны их представителей, в том числе адвокатов, будет рассмотрен в следующем параграфе.

О важности соблюдения права подозреваемого и обвиняемого на защиту свидетельствует тот факт, что его несоблюдение рассматривается как существенное нарушение норм уголовно-процессуального законодательства.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор, вынесенный в отношении В.М. Гру, Н.П. Ардабацкого, В.А. Озерного, Е.Д. Яковлева, признанных виновными в совершении ряда преступлений, в том числе предусмотренных ст. 209 УК РФ, п. п. «а», «б», «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Причина отмены приговора заключалась в том, что судом первой инстанции были допущены существенные нарушения УПК РФ, выразившиеся в невозможности реализации адвокатом С.Р. Троновым и ограничению реализации адвокатом С.С. Крайних С.С. своих прав, закрепленных в ст. 53 УПК РФ, и как следствие к нарушению гарантированных ст. 48 Конституции

РФ прав подсудимых на получение квалифицированной юридической помощи, а также к нарушению правил оценки доказательств.

В частности, нарушение указанных норм УПК РФ выразилось в том, что в процессе прений сторон председательствующий сначала неоднократно останавливал выступления защитников, запрещая высказываться о недопустимости доказательств, а затем лишил адвоката С.Р. Тронова права выступления в судебных прениях [6].

Помимо анализа вопроса о праве на защиту интересов подозреваемого и обвиняемого со стороны адвоката, в рамках данного параграфа необходимо остановиться на рассмотрении института реабилитации.

Институт реабилитации регламентирован Главой 18 УПК РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 133 УПК РФ реабилитация подразумевает под собой возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Как отмечают А.С. Гамолина, А.И. Ляхова, значение данного института очень высоко, «оно выражается в восстановлении чести и достоинства гражданина, его доброго имени, т.е. восстановление социальной справедливости. Все это воплощается на основе реализации принципа законности, посредством возмещения морального и имущественного вреда» [22, с. 620]. Далее авторы делают вывод, что «реабилитация – это уголовно процессуальный институт, подразумевающий под собой порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно подвергнутому уголовному преследованию и возмещение ему причиненного вреда» [22, с. 620-621].

Таким образом, реабилитация лиц, незаконно подвергнутых уголовному преследованию, то есть признанных подозреваемыми или привлеченных в качестве обвиняемых, также относится к функции защиты.

Согласно п. 35 ч. 1 ст. 5 УПК РФ реабилитированными признаются лица, имеющие в соответствии с УПК РФ право на возмещение вреда, причиненного им в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием.

Исходя из данного определения в ч. 1 ст. 133 УПК РФ очерчен круг лиц, которые наделяются правом на реабилитацию [78].

Во-первых, это подозреваемые и обвиняемые, в отношении которых уголовное преследование было прекращено по реабилитирующим основаниям, к примеру, в связи с отсутствием события или состава преступления.

Во-вторых, подсудимые, в отношении которых вынесен оправдательный приговор или прекращено уголовное преследование в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения.

В-третьих, это осужденные, в отношении которых частично или полностью отменен ранее вынесенный приговор и уголовное дело прекращено опять же по реабилитирующим основаниям, в частности, по тем же самым, которые указаны выше.

Четвертую, специфическую категорию, составляют лица, в отношении которых были применены принудительные меры медицинского характера, которые впоследствии были отменены вследствие их незаконности и необоснованности.

Мы включили четвертую категорию в данный параграф, хотя к категории подозреваемых и обвиняемых они, можно так сказать, относятся условно, поскольку субъектами преступлений не являются в силу совершения общественно опасного деяния в состоянии невменяемости. Однако, в абз. 1 п. 3.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 20.11.2007 г. № 13-П отмечается, что «Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, так же как подозреваемый и обвиняемый по уголовному делу, по существу, уличается в совершении деяния, запрещенного уголовным законом. Поэтому такому лицу, хотя оно и не привлекается к уголовной ответственности, должны обеспечиваться равные с другими лицами, в отношении которых осуществляется преследование, процессуальные права, – тем более что, как следует из п. 3 ч. 2 ст. 29, п. 16 ч. 4 ст. 47, п. 4 ч. 3 ст. 49, п. 3 ст. 196 и ст. 203

УПК РФ, до получения результатов судебно-психиатрической экспертизы лицо, в отношении которого она проводилась, по своему статусу являлось обвиняемым или подозреваемым и, таким образом, уже обладало соответствующими процессуальными правами (ст. ст. 46 и 47 УПК РФ)» [56].

Безусловно проблема процессуального статуса лиц, в отношении которых ведётся производство о применении принудительных мер медицинского характера, не остаётся без внимания среди учёных. Например, этому вопросу посвящено недавнее исследование К.В. Гуровой [26, с. 30]. Однако в рамках настоящего исследования в силу того, что оно имеет другое предметное направление, эта проблема обсуждаться не будет.

Отметим также, что правом на реабилитацию наделяются не только подозреваемые, обвиняемые и осужденные, но и иные лица, указанные в ч. 3 ст. 133 УПК РФ, а именно те, кто был незаконно подвергнут мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу [78]. Соответственно этот вопрос будет освещен в следующем параграфе.

Термин незаконность и необоснованность уголовного преследования в контексте понятия «реабилитированный» следует трактовать достаточно широко. Речь идет не только о ситуациях, когда лицо заведомо незаконно и необоснованно привлекается к уголовной ответственности, но и когда вначале у следствия есть доказательства виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности, а затем причастность к преступлению данного лица опровергается другими доказательствами. Такой вывод следует из положений п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 29.11.2011 г. № 17), где прописано, что причиненный вред реабилитированному лицу возмещается «независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда» [61].

В то же время следует отметить, что при установлении факта вины со стороны органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда может наступить уголовная ответственность по ст. 299 УК РФ или ст. 301 УК РФ.

Как отмечалось выше, вред, подлежащий возмещению реабилитированному, подразделяется на три вида: имущественный, моральный и иного характера.

В свою очередь ч. 1 ст. 135 УПК РФ регламентируется то, что входит в содержание имущественного вреда:

- возмещение неполученной заработной платы и иных социальных выплат;
- возмещение ранее конфискованного имущества;
- возмещение штрафов и процессуальных издержек;
- суммы, выплаченные за оказание юридической помощи;
- иные расходы [78].

Так, имущественный вред в виде неполученной заработной платы возникает в том случае, когда на период расследования уголовного дела подозреваемый или обвиняемый был отстранен от выполнения трудовых обязанностей, а после вынесения обвинительного приговора с осужденным был расторгнут трудовой договор. Например, если к уголовной ответственности за истязание привлечен учитель общеобразовательной школы, то в соответствии со ст. 331.1 Трудового кодекса РФ работодатель обязан отстранить данного педагога от работы (не допускать к работе) при получении от правоохранительных органов сведений о том, что данный работник подвергается уголовному преследованию [76].

Что касается возмещения имущества, конфискованного в процессе расследования уголовного дела, то имущественный вред здесь возникает в том случае, когда данное имущество вернуть лицу, у которого оно изъято, невозможно либо имущество возвращено в неисправном состоянии, не позволяющем использовать его по целевому назначению.

Так, например, с требованием о возмещении материального ущерба в размере 100 000 рублей к Министерству внутренних дел РФ в суд района имени Лазо Хабаровского края гражданин обратился в связи с тем, что у него из квартиры была изъята компьютерная техника, которая затем была возвращена в неисправном состоянии. Данный гражданин подозревался в совершении сексуальных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних, но подозрения в дальнейшем не подтвердились [68].

Штраф во исполнение приговора может быть взыскан в случае, если он был назначен как вид наказания.

Что касается процессуальных издержек, то их понятие даётся в ст. 131 УПК РФ. Это расходы, связанные с производством по уголовному делу, которые возмещаются за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства. В частности, к таким расходам относятся суммы, выплачиваемые адвокату за оказание им юридической помощи в случае участия адвоката в уголовном судопроизводстве по назначению (п. 5 ч. 2 ст. 131 УПК РФ) [78].

В свою очередь расходы на адвоката по соглашению относятся к категориям «суммы, выплаченные за оказание юридической помощи».

Такая дифференциация расходов на адвоката имеет существенное значение для определения размеров выплат.

Так, Липецкий областной суд отменил Постановление Левобережного районного суда г. Липецка от 16.10 2015 г. в части отказа от проведения индексации сумм, затраченных реабилитированным на оказание ему юридической помощи со стороны адвоката Н.И. Лебедевой.

Как указала апелляционная инстанция, ссылка Левобережного районного суда г. Липецка на положения п. 2 Постановления Правительства РФ от 01.12.2012 г. № 1240 в обосновании отказа в индексации сумм, потраченных на услуги адвоката, неверна, поскольку данный нормативно-правовой акт касается выплат адвокату по назначению, а не по соглашению [10].

Под иными расходами в абз. 4 п. 15 Постановление Пленума ВС РФ от 29.11.2011 г. № 17 понимаются «расходы, которые понесены реабилитированным лицом непосредственно в ходе уголовного преследования (например, в связи с привлечением специалиста), а также понесенные им в целях устранения последствий незаконного или необоснованного уголовного преследования, включая затраты на возмещение расходов, связанных с рассмотрением вопросов реабилитации, восстановления здоровья» [61].

Так, к примеру, Судебная коллегия по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции отменила Постановление Реутовского городского суда Московской области и Апелляционное постановление Московского областного суда в части удовлетворения требований реабилитированного о возмещении расходов, связанные с оплатой по договору займа, указав, что данные расходы не относятся к категории «иные» применительно к п. 5 ч. 2 ст. 131 УПК РФ [54].

Требование о возмещении имущественного вреда разрешается судьей в порядке, установленном ст. 399 УПК РФ [78].

Иными словами, данный вопрос разрешается в рамках уголовного судопроизводства, в отличие от возмещения морального ущерба.

Согласно ч. 2 ст. 136 УПК РФ иски о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении предъявляются в порядке гражданского судопроизводства [78].

При этом возмещение морального вреда реабилитированному вследствие незаконного или необоснованного уголовного преследования отличается от возмещения морального вреда иным лицам тем, что оно, можно так сказать, имеет двухуровневый характер.

Вначале реабилитированному приносится официальное извинение со стороны прокурора от имени государства за причиненный вред.

То, что принесение такого извинения является обязанностью, а не правом прокурора говорится в абз. 2 п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности

отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко» [59]. Здесь же конкретизируются органы прокуратуры, на которые возложены данная обязанность – это «прокурор города или района, иной территориальной, военной или специализированной прокуратуры, непосредственно осуществляющей надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, если иное не установлено для конкретного случая вышестоящим прокурором» [59].

Извинение приносится в письменной форме. Максимальный срок, в течение которого оно приносится, составляет один месяц, исчисление которого начинается с принятия соответствующего процессуального решения реабилитирующего характера (например, постановления о прекращении уголовного дела) или вступления в силу оправдательного приговора [79].

В абз. 3 п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 г. № 28-П отмечается, что «неисполнение или ненадлежащее исполнение прокурором обязанности принести официальное извинение реабилитированному лицу могут быть обжалованы в судебном порядке» [59].

Помимо получения официальных извинений реабилитированный может также потребовать возмещение морального вреда, как отмечено выше, в гражданско-процессуальном порядке.

Одна из основных проблем, которая является общей для всех случаев компенсации морального вреда, связана с определением размера такого вреда. Данный признак является оценочным. Как рекомендовано в п. 21 Постановления Пленума ВС РФ от 29.11.2011 г. № 17, в данном случае суд должен учитывать следующее: «степень и характер физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред; продолжительность судопроизводства; длительность и условия содержания под стражей, вид исправительного учреждения, в котором лицо отбывало наказание, а также требования разумности и справедливости» [61].

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что реабилитированные зачастую предъявляют иски о компенсации морального вреда в значительных суммах, но суды существенно их снижают.

Так, реабилитированный Б. требовал взыскать 3000000 рублей компенсации морального вреда, а суд первой инстанции снизил данную сумму до 100000 рублей. Затем суд апелляционной инстанции увеличил размер компенсации до 200000 рублей [53].

В другом случае реабилитированный Б.А.А. требовал взыскать 8000000 рублей компенсации морального вреда, а суд первой инстанции снизил данную сумму до 40000 рублей [11].

В ст. 138 УПК РФ закреплены положения о восстановлении иных прав реабилитированного.

В частности, речь идёт о восстановлении на работе лица, ранее уволенного в связи с уголовным преследованием по причинам, рассмотренным выше.

Кроме того, если осужденному было назначено дополнительное наказание в виде лишения специального, воинского и почетного звания, классного чинов, а также государственных наград, то после реабилитации он должен быть восстановлен во всех указанных правах.

В качестве ответчика при возмещении вреда реабилитированного выступает Министерство финансов РФ, а само возмещение осуществляется из средств казны РФ.

В заключении хотелось бы вернуться к ситуации с незаконным или необоснованным привлечением к уголовной ответственности, при наличии признаков вины должностного лица.

В данном случае, как ранее уже определено, вред реабилитированному также подлежит возмещению из казны РФ. Но в дальнейшем с виновного лица данные суммы могут быть взысканы в порядке регресса. Например, такой вывод следует из положений ч. 6 ст. 15 Федерального закона от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и

внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», где прописано, что «за ущерб, причиненный федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальному органу, подразделению, сотрудник органов внутренних дел несет материальную ответственность в порядке и случаях, которые установлены трудовым законодательством» [84]. Исследуя данный вопрос, М. В. Зяблина и Е.В. Великая обращают внимание на ряд проблем, связанных с предъявлением таких регрессных исков. В частности, авторы обращают внимание на неопределенность круга лиц, к которым такой иск может быть предъявлен, на недостаточную правовую регламентацию механизма предъявления рассматриваемого вида иска [35, с. 13].

Таким образом, охрана и защита прав подозреваемого и обвиняемого регламентирована нормами уголовно-процессуального законодательства достаточно подробно, но тем не менее не лишена проблем. В наибольшей степени это касается защиты прав указанных лиц посредством реабилитации, где сочетаются нормы уголовного и гражданского процесса.

2.2 Охрана и защита прав потерпевшего и иных участников уголовного процесса

Как отмечает В. Н. Гапонова, «ежегодно в уголовное судопроизводство вовлекаются более 10 млн. человек, которые выступают в качестве потерпевших и свидетелей» [23, с. 35].

Выше уже частично затрагивался вопрос об охране и защите прав потерпевших и иных участников уголовного процесса.

В частности, ранее было указано, что интересы потерпевшего, как и интересы подозреваемого либо обвиняемого, в уголовном процессе, могут представлять адвокаты. Но, как указано в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном

судопроизводстве» по смыслу ч. 1 ст. 45 УПК РФ здесь допускается представительство и иных лиц, способных, по мнению потерпевшего, оказать ему квалифицированную юридическую помощь [60]. По отношению к подозреваемым и обвиняемым участие иных лиц, не имеющих статуса адвоката, возможно только по делам частного обвинения.

Кроме того, согласно ст. 51 УПК РФ участие защитника является обязательным, а участие представителя потерпевшего необязательно.

Также, как отмечалось в предыдущем параграфе, иные участники уголовного процесса на основании ч. 3 ст. 133 УК РФ могут быть реабилитированы в том случае, если они подвергались процессуальному принуждению в ходе производства по уголовному делу.

Соответственно, если лицо подвергалось незаконным действиям со стороны правоохранительных органов при отсутствии возбужденного уголовного дела, то право на реабилитацию в таком случае не возникает.

Так, в отношении К. неоднократно проводились прокурорские проверки и направлялись материалы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ч. 3 ст. 159 УК РФ, однако в результате выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. После этого К. обратилась в мировой суд с исковым требованием к Министерству финансов РФ о возмещении причиненного ей ущерба в размере 25 000 рублей. Её требования были изначально удовлетворены. Но в последствии суд кассационной инстанции отменил апелляционное определение Советского районного суда г. Орла, которым было проведено повторное рассмотрение данного дела, указав, что К. право на реабилитацию не имеет, поскольку уголовное дело в отношении неё не возбуждалось, подозреваемой или обвиняемой она не признавалась, право на реабилитацию за ней не признавалось [51].

Необходимо отметить, что вред (имущественный и моральный), причинённый потерпевшему в результате совершенного преступления, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном ст. 44 УПК РФ. Гражданский иск может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела

и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции (ч. 2 ст. 44 УПК РФ). Соответственно сторонами такого иска являются гражданский истец, в качестве которого зачастую выступает потерпевший от преступления, и гражданский ответчик, которым в большинстве случаев является гражданин, совершивший преступное деяние.

Если гражданский иск не был предъявлен в рамках уголовного судопроизводства, то пострадавшее лицо может воспользоваться своим правом на подачу самостоятельного иска по правилам гражданского судопроизводства.

Особое место занимает институт государственной защите потерпевшего и иных участников уголовного процесса, который регламентируется ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Согласно данной норме, государственная защита предоставляется при наличии угроз убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными опасными противоправными деяниями.

Во исполнение ч. 3 ст. 11 УПК РФ, в ч. 9 ст. 166 УПК РФ закреплены особенности оформления протоколов следственных действий, проводимых с участием лиц, которым предоставлена государственная защита. В таком случае в протокол не вносятся сведения о личности данных лиц [78].

Из ч. 2 ст. 186 УПК РФ следует, что при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц по письменному заявлению указанных лиц либо на основании судебного решения (при отсутствии заявления) осуществляется контроль и запись телефонных и иных переговоров данных лиц [78].

При проведении опознания, в целях обеспечения безопасности опознающего, предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ) [78].

Судебное заседание для обеспечения безопасности рассматриваемых лиц может быть проведено в закрытом режиме (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ) [78].

В свою очередь, в ч. 5 ст. 278 УПК РФ прописаны особенности допроса свидетелей, которым предоставлена государственная защита, в ходе судебного разбирательства – подлинные данные о личности свидетелей не оглашаются: также суд вправе провести допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетелей другими участниками судебного разбирательства [78].

Так, в Апелляционном определении Московского городского суда от 09.06.2021 г. по делу № 10-9129/2021 было указано, что «В соответствии с ч. 3 ст. 11, ч. 9 ст. 166, ч. 5 ст. 278 УПК РФ органами предварительного расследования правомерно приняты меры безопасности в отношении свидетелей обвинения под псевдонимами «...» и «...», обоснованно принято решение о сохранении их данных в тайне [5].

Кроме того, в настоящее время действует Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019-2023 годы», утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2018 г. № 1272 [64].

В свою очередь в Федеральном законе от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [83] «содержится система мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, включая меры безопасности и социальной поддержки указанных лиц, основания и порядок их применения, а также указаны органы, уполномоченные на это» [31, с. 65]. Кроме того, в целях реализации данного Федерального закона Правительство РФ раз в пять лет разрабатывает программу обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

Как отмечает В. Н. Гапонова, «несмотря на столь детальное правовое регулирование данного института в правоприменительной практике встречается ряд проблем и сложностей, связанных с его реализацией» [23, с. 36].

Так, «гражданин Х., обвиняемый в совершении трех преступлений, предусмотренных ст. 139 УК РФ, будучи осведомленным о том, что потерпевшая П. С. И. дала изобличающие его показания, заставлял последнюю дать заведомо ложные показания о непричастности Х. к совершению преступлений в отношении П. С. И. путем угрозы причинения вреда ее здоровью. Суд признал Х. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 309 УК РФ» [65].

В связи с этим, как верно отмечено М.С. Колосовичем, «в территориальных органах внутренних дел в большинстве случаев лица, нуждающиеся в применении мер безопасности, отказываются от их применения, не веря в их эффективность, предпочитая хранить молчание или под надуманными предлогами самоустраниться от участия в уголовном судопроизводстве» [37, с. 168].

Одними из наиболее распространенных мер безопасности являются личная охрана и обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице. По мнению В. Н. Гапоновой, «если с личной охраной порядок действий достаточно понятен и использование какого-либо оборудования не является постоянным, то с обеспечением конфиденциальности сведений возникают проблемы, особенно на стадии судебного разбирательства. В первую очередь, это технические проблемы» [23, с. 37].

«К ним относятся, главным образом, отсутствие специальных помещений обеспечения допроса лица в условиях, исключаящих его визуальное наблюдение, и аппаратуры для изменения голоса, специалистов по применению такой техники» [46, с. 19].

Поэтому допрашивать свидетелей приходится в импровизированных условиях, которые не позволяют решить вопросы обеспечения безопасности этих лиц.

О наличии проблем с техническим обеспечением говорит Р.Ш. Хадиков: «Важной проблемой, затрудняющей реализацию закона, служит нехватка специальной аппаратуры для проведения видеоконференцсвязи с потерпевшим или иным защищаемым лицом; теле-, видео-, аудиоаппаратуры, при помощи которой можно проводить допрос в суде, исключая визуальное наблюдение защищаемого лица; недостаточно специально оборудованных кабин с односторонней видимостью для проведения опознания в условиях, исключающих визуальный контакт опознающего с опознаваемым; суды (за редким исключением) не оборудованы специальными помещениями для допроса лиц, находящихся под защитой» [85, с. 963].

Выводы по Главе 2:

Охрана и защита прав подозреваемого и обвиняемого регламентирована нормами уголовно-процессуального законодательства достаточно подробно, но тем не менее не лишена проблем. В наибольшей степени это касается защиты прав указанных лиц посредством реабилитации, где сочетаются нормы уголовного и гражданского процесса.

Охрана и защита прав потерпевшего и иных участников уголовного процесса также достаточно обширна. Это выражается в предоставлении права потерпевшему пользоваться услугами представителя, в том числе адвоката. В возмещении потерпевшему причиненного вреда путём подачи иска в рамках уголовного судопроизводства. В праве на реабилитацию лиц, которым причинён вред в результате применения к ним мер процессуального принуждения. В предоставлении потерпевшему и иным участникам уголовного процесса государственной защиты.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить следующее:

В доктрине уголовного процесса, защита, как уголовно-процессуальная функция, получила значительный исследовательский интерес в научных кругах. Тем не менее, до сих пор в уголовно-процессуальной науке нет ясности относительно определения понятия защиты, как уголовно-процессуальной функции. Во многом это связано с позицией законодателя, не закрепившего данное понятие. Но большей причиной видится многомерность самой институции защиты и вариативность ее соотношения с уголовно-процессуальным правом.

Необходимо разделять понятия «охрана» и «защита». Несмотря на выполнение задач, связанных с обеспечением сохранности прав, данные понятия имеют ряд отличий, среди основных следует выделить тот факт, что охрана направлена на предупреждение в случае нарушений правового статуса человека, а защита выполняет восстановительную функцию нарушенных прав.

На сегодняшний день ощущается острая нехватка определенности понятия защиты, как функции уголовного процесса. Это приводит к многочисленным разногласиям среди ученых по данному вопросу. Однако, более негативным последствием данной ситуации видится частое непонимание по вопросу, проявляемое со стороны правоприменителя.

В условиях, когда на всех уровнях законодательства (в том числе, международного) защита закреплена в качестве одного из основных прав лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, любое искажение или неправильное представление по данному поводу – крайне опасная тенденция, безусловно требующая пристального внимания и исправления.

В качестве пути решения отмеченных проблемных вопросов нами видится внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство, а

именно в УПК РФ, а также ведомственные нормативно-правовые акты в сфере конкретного регулирования отдельных аспектов.

Основанием ограничения конституционных прав личности в уголовном процессе является применение мер процессуального принуждения.

В качестве одной из мер процессуального принуждения в ст. 115 УПК РФ закреплено наложение ареста на имущество.

Наложение ареста на имущество необходимо относить к мерам защиты, поскольку она представляет собой государственную принудительную деятельность, направленную на восстановление имущественных прав лиц, которым причинен материальный ущерб в результате совершения преступления.

Охрана и защита прав подозреваемого и обвиняемого регламентирована нормами уголовно-процессуального законодательства достаточно подробно, но тем не менее не лишена проблем. В наибольшей степени это касается защиты прав указанных лиц посредством реабилитации, где сочетаются нормы уголовного и гражданского процесса.

Охрана и защита прав потерпевшего и иных участников уголовного процесса также достаточно обширна. Это выражается в предоставлении права потерпевшему пользоваться услугами представителя, в том числе адвоката. В возмещении потерпевшему причиненного вреда путём подачи иска в рамках уголовного судопроизводства. В праве на реабилитацию лиц, которым причинён вред в результате применения к ним мер процессуального принуждения. В предоставлении потерпевшему и иным участникам уголовного процесса государственной защиты.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абрамов С.И. К вопросу о приоритете специальных норм законодательства о банкротстве в регулировании соответствующих правоотношений // Вестник арбитражной практики. 2018. № 1. С. 59-66.
2. Азаров В.А., Супрун С.В. Охрана имущественных интересов личности в сферах оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности: Монография. Омск : Омская Академия МВД России. 2001. 268 с.
3. Андреева О.И. Пределы ограничения прав личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 46-49.
4. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. М., 1981. 360 с.
5. Апелляционном определении Московского городского суда от 09.06.2021 г. по делу № 10-9129/2021 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.01.2020 г. № 18-АПУ19-29 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
7. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Адыгея № 22К-178/2020 от 12.03.2020 г. <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 16.09.2023).
8. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда № 22К-6455/2018 от 20.11.2018 г. <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 16.09.2023).
9. Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 17.06.2015 по делу № 22к-756/2015 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
10. Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 08.12.2015 г. № 22-1423/2015 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

11. Апелляционное постановление Псковского областного суда по делу №22К-2022 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
12. Базюк М.Л. Охрана прав и свобод человека и гражданина как принцип российского уголовного судопроизводства: автореф. дисс. ...канд. юр. наук. Иркутск, 2009. 35 с.
13. Бойков А.Д. Адвокатура России. М. : Ин-т междунар. права и экономики, 2000. 376 с.
14. Булатов Б.Б. О совершенствовании правового регулирования порядка наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 9-14.
15. Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 80-91.
16. Варпаховская Е. М. Нормативное определение назначения уголовного судопроизводства в части защиты прав потерпевшего вызывает проблемы в толковании // Сибирский юридический вестник. 2010. № 2. С. 128-133.
17. Ведяхин В.М., Шубина Т.Б. Защита права как правовая категория // Правоведение. 1998, № 1. С. 67-79.
18. Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. 43 с.
19. Власов В.И. Судебный контроль на стадии досудебного производства по уголовным делам: теоретико-правовая характеристика // Вестник Краснодарского университета МВД России, 2020, № 1 (47). С. 23-29.
20. Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. 1998, 10 декабря.
21. Гаврилов Э.П. Комментарий Закона «Об авторском праве и смежных правах». М., 1996. 348 с.

22. Гамолина А.С., Ляхова А.И. Некоторые проблемы института реабилитации в уголовном судопроизводстве в России // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: сборник трудов Пятидесят второй международной научно-практической конференции. Белгород, 2022. С. 620-624.

23. Гапонова В.Н. К вопросу о реализации института государственной защиты участников уголовного судопроизводства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. Т. 26. № 2. С. 35-43.

24. Гизатуллин И.А. Процессуальная независимость судей: сущность и проблемы обеспечения // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 1 (18). С. 105-115.

25. Гражданское право. Учебник: В 2-х томах. Т. 1 / О.А. Дюжева, В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.И. Коваленко, и др.; Отв. ред. Е.А. Суханов. - 2-е изд., перераб. и доп. - М. : БЕК, 1998. 816 с.

26. Гурова К.В. К вопросу о процессуальном статусе лица, в отношении которого ведётся производство о применении принудительных мер медицинского характера // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. № 5 (25). С. 30-35.

27. Дерюгин А.А. Правовые и социальные основания функционирования войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института Юриспруденция войск национальной гвардии. 2018. № 3 (4). С. 83-84.

28. Докучаева Е.А. Практические проблемы наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: материалы VI Всероссийской национальной научной конференции молодых учёных. В 3-х частях. Комсомольск-на-Амуре, 2023. С. 293-296.

29. Доросинская А.М. Понятие защиты как уголовно-процессуальной функции в российском уголовном процессе // Ученые записки Крымского

федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 2. С. 299-305.

30. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. М.: Экзамен, 2002. 512 с.

31. Зайцев О.А. Особенности государственной защиты участников уголовного судопроизводства в ходе подготовки к заседанию в суде первой инстанции // Российское правосудие. 2019. № 4. С. 64-70.

32. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. ст. 1416.

33. Злыденко Д.С. Определение момента фактического задержания как условие законности его применения в уголовном процессе // Вестник Краснодарского университета МВД России, 2019, № 1 (43). С. 23-26.

34. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд. М. : Норма, 2008. 591 с.

35. Зяблина М.В., Великая Е.В. Предъявление прокурорами регрессных исков в связи с принятием судами решений о возмещении реабилитированным лицам вреда, причиненного незаконным (необоснованным) уголовным преследованием // Законность. 2016. № 4. С. 13-17.

36. Колокольцев о деле Голунова: права любого гражданина должны быть защищены. URL: <https://yandex.ru/turbo/regnum.ru/s/news/2645960.html> (дата обращения: 16.09.2023).

37. Колосович М.С. Вопросы обеспечения анонимности участника уголовного судопроизводства при применении мер государственной защиты // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее¹³: мат-лы. Всероссийской науч.-практич. конф., Санкт-Петербург, 02-03 июня 2016 года: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. С. 167-172.

38. Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12.12.1993г. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.09.2023).

39. Ларин А.М. Уголовный процесс России: лекции-очерки. М. : БЕК, 1997. 314 с.
40. Макарова З.В. Защита в российском уголовном процессе: понятие, виды, предмет и пределы // Правоведение. 2000. № 3. С. 217-231.
41. Макарова З.В. Профессиональная защита подозреваемых, обвиняемых. С.-Петербург: «Юридический центр Пресс», 2008. 335 с.
42. Макашова Т.П. Виды уголовно-процессуальных функций адвоката // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2020. № 1. С. 15-18.
43. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 294 с.
44. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М.: Право и Закон, 1996. 304 с.
45. Назарова И.С. Конституционно-правовые аспекты сущности государственного управления в рамках деятельности федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института Юриспруденция войск национальной гвардии. 2019. № 2 (7). С. 117-121.
46. Наумов В.А. Проблемы реализации закона о государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства // Реклама и торговля. 2018. Т. 3. № 10S (51S). С. 17-19.
47. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 27.03.2019 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
48. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2023), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

49. Общая теория прав человека / Отв. ред. Лукашева Е.А. - М. : Норма, 1996. 520 с.

50. Ожегов С.И. Словарь русского языка: (Ок. 57000 слов). Екатеринбург : Урал-Советы (Весть), 1994. 795 с.

51. Определение Верховного Суда РФ от 20.03.2012 г. № 78-В12-3 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

52. Определение Верховного Суда РФ от 01.08.2018 г. № 41-КГ18-12 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

53. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2023 г. № 88-14949/2023 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

54. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.07.2023 г. № 88-19907/2023 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

55. Пономарёв Д.В. Некоторые вопросы наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Студенческая наука – взгляд в будущее: Материалы XVIII Всероссийской студенческой научной конференции. Том Часть 7. Красноярск, 2023. С. 226-228.

56. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.11.2007 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 48 (2 ч.). Ст. 6030,

57. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное

предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 6. Ст. 897.

58. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 44. Ст. 6128.

59. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 48. Ст. 7299.

60. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.

61. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 1.

62. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

63. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

64. Постановление Правительства РФ от 25.10.2018 г. № 1272 «Об утверждении Государственной программы "Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019-2023 годы» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 44. Ст. 6764.

65. Приговор Шадринского районного суда Курганской области от 10.11. 2021 г. по делу № 1-384/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения 16.09.2023)

66. Путин заявил о необходимости механизмов соблюдения прав человека. URL: <https://ria.ru/20191212/1562317531.html> (дата обращения: 16.09.2023).

67. Решение Кировского районного суда г. Иркутска № 2А-2936/2018~М-2766/2018 от 13.09.2018 г. <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 16.09.2023).

68. Решение суда района имени Лазо Хабаровского края от 26.10. 2020 г. Дело № 9-221/2020. URL: <https://lazo--hbr.sudrf.ru/> (дата обращения: 13.09.2023).

69. Романовский Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М.: МЗ Пресс, 2001. 312 с.

70. Сабирзянова А.А. Практические проблемы наложения ареста на имущество в рамках уголовного судопроизводства // Евразийская адвокатура. 2020. № 6 (49). С. 59-63.

71. Сафронов А.А., Карякин А.М. Применение нормы Федерального закона «О полиции» о задержании лиц, находящихся в международном розыске (на примере правоприменительной практики г. Севастополя) // Вестник Краснодарского университета МВД России, 2020, № 4 (50). С. 68-72.

72. Скрипилев Г.А. Предпосылки применения мер безопасности в уголовном процессе // Российский следователь. 2012. № 18. С. 21-23.

73. Судницын А.Б. Законность и обоснованность избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу: учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. 64 с.

74. Теренков И.Е., Павлова В.С. Актуализация функции защиты в уголовном судопроизводстве: вопросы теории и практики // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М., 2020. С. 215-217.

75. Толкачев Х.Б., Хабибуллин А.Г. Личные конституционные права и свободы граждан СССР: система, характеристики, особенности реализации. Уфа, 1990. 92 с.

76. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

77. Трунов И.Л., Трунова Л.К. Меры пресечения в уголовном процессе. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 356 с.

78. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

79. Указание Генпрокуратуры России от 03.07.2013 г. № 267/12 «О порядке реализации положений части 1 статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

80. Ульбашев А.Х. Общее учение о личных правах. М. : Статут, 2019. 255 с.

81. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

82. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

83. Федеральный закон от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

84. Федеральный закон от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

85. Хадигов Р.Ш. О проблемах, возникающих при обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства // Концепт: науч.-методич. электрон. журн. Киров: Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании». 2019. Т. 17. С. 960-963.

86. Шахбазян А.А. Защита гражданских прав в нотариальном производстве: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2011. 226 с.

87. Швандерова А.Р., Асташев Р.В. Теоретические проблемы судебной власти Российской Федерации: судебная власть как социально-правовой институт // Власть закона. 2022. № 1 (49). С.165-175.